

ЕВДОШЕНКО А. П.

О ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ ДЛЯ НЕРУССКИХ

Широкое обсуждение на страницах журнала «Вопросы языкознания» теоретических принципов составления русской грамматики для нерусских с целью улучшения обучения русскому языку в национальных республиках, на наш взгляд, чрезвычайно важно. Подобная дискуссия тем более необходима, что в двух предыдущих академических грамматиках самым сложным вопросом была именно теория. «Грамматика» 1952—1954 гг. предупреждала, что «не стремиться к углубленной теоретической постановке спорных и сложных теоретических вопросов... Эта Грамматика берет за основу наиболее установившуюся, принятую в программах средней школы грамматическую систему...» [1].

«Грамматика» 1970 г. «прежде всего отражает поиски „модели описания“» [2, с. 3]. Ее авторы полагают, что «сейчас вряд ли можно назвать такую теорию, которая, удовлетворив лингвистов самых разных направлений, могла бы быть распространена на все уровни грамматического описания как целостная и конструктивная система» [2, с. 5].

Спустя десять лет положение дел, по-видимому, не улучшилось. В «Грамматике» 1980 г. подчеркивается, что «трудность задачи усугублялась разнородностью развиваемых в последние десятилетия лингвистических теорий..., неумолкающими спорами по самым основным, концептуальным вопросам грамматики и языкознания в целом» [3, с. 4].

Вопрос о теоретической основе возникал и тогда, когда в целях создания машинного перевода математики обращались к языкознанию. Тогда Р. Л. Добрушин заметил, что лингвистика «довольствовалась до сих пор довольно туманными формулировками основных понятий своей науки» [4]. К аналогичному выводу пришли и А. А. Ляпунов и О. С. Кулагина, подчеркнув необходимость «выработки точной системы лингвистических понятий» [5]. Уже в начале нашего века об этом же говорил и Ф. де Соссюр: «...до сих пор в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определенными» [6].

Проблема «точной системы лингвистических понятий» приобретает особую остроту, когда речь идет о написании русской грамматики для нерусских.

В отличие от нерусского, русскому школьнику грамматика не нужна для овладения своим родным языком. Он знает его до поступления в школу. Для нерусского же грамматика важна вдвойне: для того, чтобы постичь строй русского языка и чтобы осмыслить структуру своего собственного языка, от которого он должен «сознательно отталкиваться» [7]. Эта грамматика должна быть типологической, т. е. основанной на метаязыке, одинаково пригодном для описания и русского и нерусского языков. Под метаязыком подразумевается именно та «точная система понятий», о которой шла речь выше. Понятия метаязыка могут, по-видимому, рас-

смагиваться и как «типологические категории», о которых много писалось, но которые до сих пор еще остаются «вещью в себе». К понятиям метаязыка фонологии, например, относятся *фо н е м а*, *п р и з н а к*, *с и с т е м а*. Очень важное понятие *к о о р д и н а т ы* ввел Н. С. Трубецкой: «...любой признак... непременно принадлежит одной из названных „трех координат“» [8, с. 105]. В русском переводе «Основ фонологии» координата называется *к а т е г о р и е й* *п р и з н а к о в* [8, с. 106]. И последователи Трубецкого, и другие лингвисты, такие как Л. Ельмслев [9], Э. Бенвенист [10], не обратили внимания на *к о о р д и н а т у*, хотя без нее нельзя добиться определения другого важного понятия метаязыка — *с и с т е м ы*. Подобно тому как фонологический признак непременно принадлежит координате (категории), последняя принадлежит системе.

Понятия метаязыка противопоставляются понятиям языка-объекта. Аналогичное в известном смысле противопоставление проводил И. А. Бодуэн де Куртене, выделяя «категории языковедения» и «категории языка»: «... первые представляют чистые отвлечения; вторые же — то, что живет в языке...» [11].

Категориям языковедения, т. е. понятиям метаязыка (фонема, признак, координата, система), соответствуют в языке относительно частные понятия (см. табл. 1). Так, понятию *с и с т е м а* соответствует в языке вокализм или консонантизм, *к о о р д и н а т е* — подъем, лабиализация, ряд (табл. 1) и др., *п р и з н а к у* — верхний, средний, нижний (подъем); лабиализованный, нелабиализованный и т. д., *ф о н е м е* — /и/, /ы/, /у/, /у/ и др., определяемые соответственно как гласные верхнего подъема, нелабиализованный, переднего ряда /и/, верхнего подъема, нелабиализованный, заднего ряда /ы/ и т. д. (табл. 1).

Таблица 1

Подъем	Лабиализация			
	Нелабиализованный (Нл)		Лабиализованный (Л)	
Верхний (В)	ВНлП и	ВНлЗ ы	ВЛП /y̥/	ВЛЗ 'у
Средний (С)	СНлП э	СНлЗ /ə/	СЛП о'	СЛЗ о
Нижний (Н)	ННлП /ε/	ННлЗ /a/	НЛП /œ/	НЛЗ э
	Передний П/	Задний З/	Передний /П	Задний /З
	Ряд			

В системе гласных вскрывается система пространственных координат (табл. 2). Обе системы изоморфны, т. е. между их единицами устанавливается «взаимно-однозначное соответствие» [12].

Каждой единице одной системы соответствует только одна единица другой системы, и наоборот [13, с. 73—74]. Так, каждой фонологической координате (категории) взаимно-однозначно соответствует определенная пространственная координата, каждой фонеме — определенная точка и т. д.

Таким образом, выявляется точная система фонологических понятий, такая же, как и система геометрических понятий, которая выдержала проверку практикой.

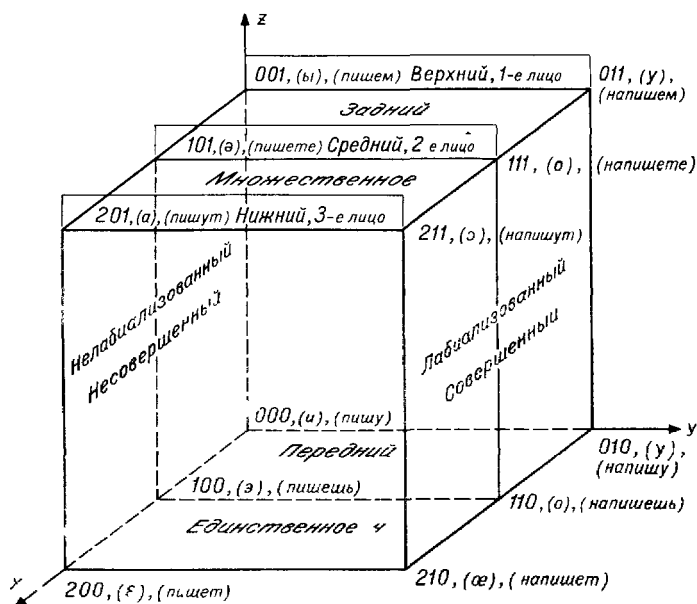
Таблица 2

X	Y			
	0		1	
0	000	001	010	011
1	100	101	110	111
2	200	201	210	211
	0	1	0	1
Z				

Понятия метаязык и язык-объект, или объектный язык, заимствованы из математической логики. Из логики заимствованы и другие понятия — элемент и класс, расщепляемый на свойство и множество, которые помогают нам лучше понять взаимоотношения единиц лингвистической системы, в данном случае, фонологической.

Так, фонологический признак, например, «верхний подъем» является и свойством фонем /и/, /ы/, /й/, /у/, и их множеством, т. е. классом фонем.

Подобно тому, как точка определяется в трехмерном пространстве тремя координатами (табл. 2, рис. 1), каждая фонема (табл. 1) определяется тремя признаками (по одному от каждой координаты данной системы).

Иными словами, фонемы одной и той же системы логически равнозначны друг другу. И признаки одной и той же категории (координаты) логически равнозначны. Каждый признак одной категории объединяет точно такое же число фонем, что и другой ее признак. Так, каждый признак подъема объединяет четыре фонемы, каждый из признаков лабиализации — шесть фонем, каждый признак ряда — шесть фонем. Равнозначны друг другу и категории признаков. Каждая категория объединяет под определенным углом зрения все фонемы данной системы (табл. 1). Количество фонем в

системе определяется совершенно четко перемножением признаков разных категорий. Подъем объединяет три признака, лабиализация — два, ряд — два. Общее число фонем данной системы = 12 ($= 3 \times 2 \times 2$).

Система определяется и как класс фонем, и как класс признаков, и как класс категорий. Поскольку признак является классом фонем, а категория — классом признаков, систему можно рассматривать как класс классов.

Система определяется как совокупность (класс) признаков, где каждый признак одной категории пересекается с каждым признаком других категорий, образуя в точках пересечения фонемы.

Система не обязательно должна объединять три категории признаков. В русском языке система согласных объединяет четыре категории: локализацию (место образования), модальность (способ образования), палатализацию (твердость — мягкость) и полнзвучность (сонорность). Система может, в принципе, представлять собой одну категорию. Однако категория должна объединять по меньшей мере два признака.

Принцип организации фонологической системы является сходным с принципом организации морфологической системы. В русском языке обнаруживается такая морфологическая система (табл. 3), которая и по количеству категорий, и по количеству «признаков» каждой из них идентична системе гласных (табл. 1). Можно, следовательно, говорить и об изоморфизме фонологической и морфологической систем, и об изоморфизме морфологической системы и системы пространственных координат (табл. 2, табл. 3, рис. 1). И в морфологии выявляется метаязык, совершенно аналогичный фонологическому метаязыку [14, 15].

Таблица 3

Лицо	Вид			
	Несовершенный (Н)		Совершенный (С)	
1	1НЕ (пишу)	1НМ (пишем)	1СЕ (напишу)	1СМ (напишем)
2	2НЕ (пишешь)	2НМ (пишете)	2СЕ (напишешь)	2СМ (напишете)
3	3НЕ (пишет)	3НМ (пишут)	3СЕ (напишет)	3СМ (напишут)
	Единств. (Е)	Множеств. (М)	Единств. (Е)	Множеств. (М)
Число				

Метаязык морфологии представлен следующими понятиями: система, категория, граммема, грамматическая форма.

Понятие грамматической формы, такое же фундаментальное понятие для морфологии, как фонема для фонологии, было введено А. И. Смирницким [16, с. 14]. В русском языке грамматической форме соответствуют такие понятия, как «именительный падеж единственного числа мужского рода», «1-е лицо единственного числа совершенного вида» (табл. 3) и т. д.

Другое понятие метаязыка морфологии, категорияальная форма, введенное А. И. Смирницким [17, с. 30] и названное К. Пайком граммемой [18], соответствует в фонологии дифференциальному признаку¹. В русской морфологии граммеме соответствуют та-

¹ В. В. Иванов и В. Н. Телоров не случайно называют граммему «дифференциальным морфологическим признаком» [19].

кие понятия, как мужской, женский, средний (род), первое, второе, третье (лицо), единственное, множественное (число), совершенный, несовершенный (вид) и т. д.

Подобно тому, как фонема определяется совокупностью признаков, грамматическая форма определяется совокупностью граммем (ср. табл. 1 и 3).

Грамматической категории ² соответствует в фонологии координата Трубецкого.

Грамматическая категория «...обязательно должна быть представлена по меньшей мере двумя категориальными формами» [22], т. е. объединяет по меньшей мере две граммеы, подобно тому, как координата объединяет по меньшей мере два фонологических признака. Так, категория числа, например, объединяет в русском языке две граммеы (единственное и множественное), а координата р я д — два признака (передний и задний) и т. д.

Фонологическая координата важна для фонологии в той же мере, что и категория для морфологии.

Наиболее общим понятием как фонологического, так и морфологического метаязыка является система. Поскольку морфологическая и фонологическая системы изоморфны, все сказанное о взаимоотношениях понятий метаязыка фонологии действительно *mutatis mutandis* и для метаязыка морфологии. Так, подобно тому, как признак одной категории логически равнозначен каждому другому ее признаку, грамма одна категории равнозначна каждой другой ее граммеме.

Каждая грамма вида, например, объединяет в видо-личной системе (табл. 3) по шесть грамматических форм. Столько же грамматических форм объединяет и каждая грамма числа в той же системе. Граммеы же лица объединяют по четыре грамматических формы каждая.

Взаимоотношения понятий метаязыка, сформулированные в виде законов [20, с. 55], служат для выявления релевантных категорий морфологии. С их помощью в русской морфологии обнаруживаются четыре системы, каждая из которых объединяет по три категории из пяти релевантных (падеж, род, лицо, вид, число) (табл. 4).

Таблица 4

	Системы			
	падежно-родовая	падежно-личная	видо-родовая	видо-личная
Категории	падеж род число	падеж лицо число	вид род число	вид лицо число

Категория числа включается во все морфологические системы русского языка, поэтому название систем отражает только отличительные для них категории: падежно-родовая, видо-личная и др. (табл. 4).

В табл. 4 системы представлены на уровне категории. В табл. 3 и на рис. 1 изображена видо-личная система со всеми ее единицами — категориями, граммеами и грамматическими формами. В виде геометрических

² В некоторых работах грамматическая категория называется морфологической категорией [14; с. 143; 20; 21; 3, с. 465], а грамматическая форма — морфологической формой [21; 3, с. 454—455].

фигур изображаются и видо-родовая [20, с. 147], и падежно-родовая [20, с. 164]. Падеж и вид, с одной стороны, а род и лицо, с другой, не совместимы в одной и той же системе³.

Понятия **к л а с с** и **э л е м е н т** позволяют выявить метаметаязык, представленный понятиями **э л е м е н т**, **класс 1-го ранга**, **класс 2-го ранга**, **класс 3-го ранга**. Частными реализациями этого метаметаязыка являются фонологический и морфологический метаязыки. Элемент «манифестируется» в одном случае фонемой, а в другом — грамматической формой, класс 1-го ранга — признаком и граммемой, класс 2-го ранга — фонологической координатой и морфологической категорией, класс 3-го — фонологической и морфологической системами.

Иными словами, и в фонологии, и в морфологии обнаруживается одна и та же система. Системы образуют содержание языка. Если содержание морфологии сходно с содержанием фонологии, то выражение у них разное.

Элементарными единицами плана выражения фонологии являются инвентарные фонемы, а плана выражения морфологии — словоформы⁴. Элементы плана выражения — инвентарные фонемы и словоформы — в табл. 1 и 3 заключены в скобки. И те, и другие доступны непосредственному наблюдению в их материальном (звуковом или графическом) облики. Единицы же плана содержания (табл. 1 и 3) не даны в прямом наблюдении. Они являются продуктом лингвистического анализа.

Система, в частности, фонологическая, имеет потенциальный характер. В том или ином конкретном языке реализуется в виде инвентарных фонем лишь какое-то строго ограниченное число потенциальных фонем этой системы. Так, в арабском реализуются три гласные (*a, u, y*), в русском — пять (*a, e, u, o, y*) в болгарском — шесть (*a, ъ, e, u, o, y*), в итальянском — семь, в молдавском — девять и т. д.

Система обладает исключительной устойчивостью. Так, система потенциальных гласных народной латыни, существующая уже в III в. н. э., осталась без изменений в итальянском, молдавском и в ряде других романских языков. Изменились лишь инвентарные фонемы, одни появились, другие исчезли, чтобы затем появиться вновь.

На взаимоотношение инвентарных и потенциальных фонем проливают свет такие категории диалектики, как «возможность» и «действительность». Необходимо учесть, что прежде чем стать «действительностью», инвентарные фонемы «должны существовать и существуют в виде возможности своего возникновения» [24], т. е. в виде потенциальных фонем.

Разграничение содержания (потенциальной системы) и выражения (инвентарных фонем) меняет представление об объекте фонологии. Он не сводится к одним инвентарным фонемам, т. е. к плану выражения. Э. Бенвенист, по-видимому, прав, говоря, что следует «отказаться от того молчаливо принимаемого принципа, довлеющего над большинством современных лингвистов, который состоит в признании лишь лингвистики языковых фактов, лингвистики, для которой язык (*langage*) полностью содержится в своих осуществленных манифестациях. Если бы это было так, то путь ко всякому углубленному исследованию природы и проявления языка был бы полностью закрыт. Языковые факты являются продуктом и нужно определить, продуктом чего именно» [25].

³ Р. Якобсон обратил внимание на то, что «лицо и род взаимоисключают друг друга» [23, с. 9].

⁴ Словоформа и грамматическая форма выявлены А. И. Смирницким одновременно [16, с. 15].

Содержание, в данном случае потенциальная система гласных (табл. 1), одна и та же во многих, если не в большинстве языков мира ⁵. Она и должна служить основой для типологического изучения языков. Если бы мы исходили из инвентарных фонем таких языков, как арабский и французский, в котором 14 гласных фонем, то мы увидели, главным образом, расхождения между языками.

Из единиц фонологического содержания доступны непосредственному выражению лишь потенциальные фонемы. Из морфологических единиц доступны выражению не только грамматические формы, но и архиформы и грамлеммы ⁶. Далее, если потенциальная фонема реализуется лишь в одной инвентарной фонеме, то грамматическая форма выражается иногда в тысячах, а то и в десятках тысяч словоформ.

В отличие от инвентарных фонем словоформы объединяются в более крупные единицы, в слова, а последние — в части речи. Словоформа, слово и часть речи образуют метаязык морфологического выражения, который противопоставляется метаязыку морфологического содержания. Слово определяется как совокупность словоформ, а части речи — как совокупность слов, объединяющих одно и то же число словоформ. Так, русское существительное как часть речи является совокупностью слов, каждое из которых объединяет 12 словоформ. Полное прилагательное объединяет 24 словоформы, а краткое — 4 и т. д.

Таким образом, словоформа позволяет прийти к непротиворечивому определению не только слова, но и части речи, что Г. Пауль считал вообще невозможным [26, с. 415]. Это лишь одно из определений частей речи, полученное, не выходя за пределы плана выражения морфологии.

Можно отметить и другие преимущества словоформы, благодаря которым оно вытесняет морфему из морфологии ⁷. Одно из них заключается в ее однозначном отношении ⁸ определенной единице содержания (грамматической форме, архиформе или грамлемме). Словоизменяемая морфема не обладает таким строгим логическим соответствием единице содержания (ср.: *рука, дбама, домб, мужчина, спала* и т. д., где морфема *-а* имеет каждый раз иное содержание). Словоизменяемую морфему нельзя ставить в один ряд со словообразовательной морфемой. Последняя относится к слову в целом, ко всем ее словоформам. Она не имеет никакого отношения к морфологическому содержанию, ее содержание лексическое. Не случайно поэтому А. И. Смирницкий отнес словообразование к лексикологии [17, с. 47].

Если словоформа имеет однозначное отношение к определенной единице содержания, к грамматической форме, например, то последняя выражается обычно во множестве словоформ. «Так, значения женского рода, единственного числа, именительного падежа объединяют слова *лампа*,

⁵ Подробнее о потенциальных системах см. [20, гл. 2].

⁶ В системе, объединяющей три категории, грамматическая форма определяется тремя грамлеммами (например, «ед. число, муж. род, сов. вид»), а архиформа — двумя (например, «мн. число, сов. вид»). Словоформа *узнал* выражает грамматическую форму, а *узнали* — архиформу.

Граммема как свойство, например, совершенный вид, выражается в инфинитиве — *узнать, увидеть* и т. д.

⁷ В последних двух академических грамматиках русского языка морфема не фигурирует в разделе «Морфология», о чем можно судить и по «Предметному указателю» [2, с. 743; 3, с. 745].

⁸ «Однозначное отношение — отношение *xRy*, где каждому значению *y* соответствует одно-единственное значение *x*» [13, с. 352]. Так, например, словоформе *рука* соответствует одна единственная грамматическая форма «ед. число, жен. род, им. падеж».

вода, рыба, комната, русалка, мысль и др., которые не имеют ничего общего в своих лексических значениях» [27].

Иными словами, между словоформой и грамматической формой выявляется много-однозначное соответствие⁹. Не только словоформы, но и слова, такие, как русское существительное или глагол, имеют однозначное отношение к определенной единице морфологического содержания — к граммеме рода в первом случае и к граммеме вида во втором, а это еще одно собственно морфологическое, т. е. непротиворечивое определение соответствующих частей речи. В последних двух случаях граммема выступает и как свойство, и как множество своих грамматических форм.

Особенность морфологического выражения заключается еще и в том, что слово может совпасть со словоформой, т. е. класс становится элементарным. В таких случаях как слово, так и совпадающая с ним словоформа не имеет связи с морфологическим содержанием. Это слова типа наречий, служебные слова, частицы.

Еще одна отличительная черта морфологического выражения заключается в том, что его единицы, и, главным образом, слово, имеют не только морфологическое содержание, но и лексическое. Морфологическое содержание слова, в отличие от лексического, всегда однозначно. Так, например, слову *рука* соответствует в морфологическом плане содержания одно-единственное значение — граммема женский род как класс (свойство и множество) грамматических форм падежно-родовой системы (табл. 4).

В плане лексического содержания слову *рука* соответствует не менее десяти различных объектов. Поэтому лексические отношения, в отличие от морфологических, формализации не поддаются [13, с. 574—575]. Лексическое содержание распространяется обычно на все словоформы данного слова. Морфологическое же содержание одной словоформы совершенно четко отличается от содержания другой его словоформы. Различие в морфологическом содержании омонимичных словоформ устанавливается в контексте и, эксплицитно, методом субституции. Таким образом, слово, как Янус, двулико. Морфологическое содержание составляет его внутренний, собственно лингвистический мир, а лексико-семантическое — внешний, экстралингвистический.

Для изучения как лексического (лексико-семантического) содержания слова, так и морфологического принципиально важное значение имеют рекомендации А. И. Смирницкого: «Чтобы выделить в словоформах лексическое, ... необходимо... отвлечься от грамматического момента в каждой словоформе», и, наоборот, «для выделения грамматического в слове необходимо отвлечься от конкретности слов...» [16, с. 15].

К совершенно аналогичному выводу русисты приходят в процессе описания языка: «В формах того или иного слова (*читаешь, сделали бы, столом, умному*) представлены морфологические формы... — в полном отвлечении от конкретных слов с их индивидуальными лексическими значениями (разрядка наша. — Е. А.)» [3, с. 454—455].

Морфологическое содержание и лексическое не имеют, по-видимому, ничего общего между собой, хотя выражение у них, казалось бы, общее.

Выражение лексического содержания сосредотачивается главным об-

⁹ «Много-однозначное соответствие — такое соответствие между элементами двух множеств..., когда каждому элементу первого множества сопоставлен только один элемент второго множества, но для каждого элемента второго множества сопоставлено более одного элемента первого множества» [13, с. 306].

разом в слове. Поэтому лексикологию можно сравнить с молекулярной физикой, а морфологию — с атомной.

Поскольку морфология имеет свое собственное содержание, она является автономной дисциплиной и не нуждается во вмешательстве со стороны других дисциплин. Всякое такое вмешательство делает морфологическое описание противоречивым, что доказал еще Г. Пауль [26, с. 415]. Можно было бы привести множество примеров смешения морфологии и лексикологии, но это особая тема.

Как и фонологическое содержание, морфологическое обладает огромной устойчивостью. Об этом можно судить, принимая во внимание то, что падежно-родовая и падежно-личная системы (табл. 4) тождественны на уровне категорий в таких языках, как латинский, молдавский и русский. «Единство фонетического и грамматического строя индоевропейских языков,— пишет И. М. Тронский, — обнаруживает себя даже через ряд тысячелетий после утраты непосредственного контакта между предками носителей отдельных ветвей» [28, с. 4].

«Морфологическая реконструкция, будучи направлена вглубь, в более отдаленное прошлое, смыкается с проблемой развития грамматических категорий...» [28, с. 7]. К выводу об исключительной устойчивости, непроницаемости морфологического содержания индоевропейского, насчитывающая более полутора столетия своего существования как науки, пришла, исследовав развитие на протяжении тысячелетий ряда языков. Об этом приходится говорить в связи с тем, что после разового обследования в 1963 г. медновского диалекта алеутского языка Г. А. Меновщиков пришел к выводу о проницаемости морфологии. Опубликованная им год спустя статья «К вопросу о проницаемости грамматического строя языка» [29] вызвала дискуссию, длившуюся более двадцати лет. В 1966 г. опубликована статья В. Ю. Розенцвейга «Языковая практика и лингвистическая теория». Ее автору «интерпретация Г. А. Меновщикова представляется неубедительной. Если верно, ... что русские глаголы не заимствовались медновскими алеутами, то непонятно, каким образом были заимствованы ими русские глагольные словоизменительные морфы» [30].

К языку медновских алеутов возвращается в 1985 г. Н. Б. Вахтин. Он говорит о «регулярном использовании русской грамматики (словоизменительная глагольная морфология и синтаксис) при не менее регулярном использовании алеутской лексики и словообразования» [31, с. 35]. Н. Б. Вахтин подчеркивает, что «язык, подобный медновскому, мог появиться только в среде носителей русского языка, на которых оказывал сильное влияние доминантный аттуанский диалект» [31, с. 41]. Таким образом, мнение Г. А. Меновщикова о проницаемости морфологии не подтвердилось. Медновский язык лишний раз свидетельствует об устойчивости морфологического содержания и неустойчивости его выражения. В этом языке сохранились без изменений видородовая и видо-личная системы (табл. 3 и 4) русского языка, а вся глагольная лексика за каких-нибудь сто с лишним лет полностью изменилась.

Аналогичная картина наблюдается и в молдавском просторечии, в которое легко проникают русские слова без какого-либо ущерба для его морфологического содержания. Ср.: *о бициит* (обещал), *с'о простудит ши кэилееште* (простыл и кашляет) и т. д. Итак, и сравнительно-исторические данные, и наблюдения над процессами происходящими в современном двуязычии, свидетельствуют о примате морфологического содержания над

выражением. А если это верно, то положение о том, что «в центре морфологии стоит слово...» [3, с. 453], нуждается в пересмотре. Представляется, что в центре морфологии стоят системы морфологических категорий, составляющие незыблемую основу языка. На этой основе (табл. 4) находится огромная надстройка, насчитывающая в русском языке около миллиона словоформ, каждая из которых определяется строго однозначным отношением к известной единице соответствующей системы. Иными словами, имеются два различных взгляда на взаимоотношение содержания и выражения в морфологии, напоминающие геоцентрическую и гелиоцентрическую концепции в астрономии.

Эксплицитное разграничение плана содержания и плана выражения морфологии дает возможность применить коммутационный метод с целью выявления релевантных категорий в конкретном языке. И применение коммутации приводит к тому же результату, к обнаружению в морфологии русского языка пяти категорий, упорядоченных в четыре системы (табл. 4). Еще одно подтверждение наличия не более пяти категорий в плане содержания русской морфологии дает *н е о б х о д и м о е и д о с т а т о ч н о е* определение каждой словоформы ее однозначным отношением к одной из единиц той или иной системы.

Таким образом, морфологическое описание удовлетворяет всем тем требованиям, которые можно ему предъявить — непротиворечивости, полноты (исчерываемости) и простоты (экономии).

В русской грамматике для нерусских представляется целесообразным исходить из морфологического содержания, учитывая, что в русском и других индоевропейских языках — литовском, латинском, молдавском, армянском, таджикском, осетинском и др., не говоря уже о украинском и белорусском, — некоторые морфологические системы тождественны на уровне категории (см. выше) или близки к этому. Расхождения между ними увеличиваются постепенно по мере перехода от единиц высшего порядка к низшим — от системы к категории, от категории к граммеме и т. д. Так, например, и в русском и в молдавском языках существует категория рода. В обоих языках имеются идентичные граммемы рода — мужской и женский род. Лишь средний род отсутствует в молдавском. Интерес в этом отношении представляет и опыт Русской грамматики, изданной в Праге [32], которая идет от морфологического содержания к выражению, но сохраняет еще в качестве единицы морфологического выражения морфему.

Грамматика русского языка для нерусских должна стать основой для составления учебников и учебных пособий для национальной начальной, средней и высшей школы по русскому языку и по сопоставительному изучению русского и нерусского языков. В силу своей ориентации она отличается от грамматики для русских своим типологическим характером, т. е. выдвиганием на передний план того общего, что объединяет разные языки — потенциальной фонологической системы, морфологической системы на уровне категории, а затем граммемы и т. д.

Изоморфизм систем позволяет рассматривать изучение фонологической системы как этап к усвоению морфологической.

Трактовка системы как иерархии понятий служит инструментом для прогнозирования различной степени трудности материала. Для молдавана, например, наибольшую трудность представляет категория вида, которая отсутствует в его языке, а также категория падежа, выражаемая существительными и прилагательными.

Особую роль в русской грамматике для нерусских играет метаязык, который является, с одной стороны, эффективным средством выделения

категорий, присущих тому или иному языку, а с другой, препятствием к наблюдаемому механическому перенесению грамматических понятий русского языка в описание нерусского. Э. В. Севортян отмечал «стремление к механическому перенесению учения о частях речи из стабильного учебника русского языка в стабильные учебники тюркских языков» [33]. Подобное наблюдается и в описании других национальных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика русского языка. Т. I. М., 1952. С. 4.
2. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
3. Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
4. Добрушин Р. Л. Математические методы в лингвистике // Математическое просвещение. Вып. 6. М., 1961. С. 37—38.
5. Ляпунов А. А., Кулагина О. С. О работах по машинному переводу Математического института АН СССР // Тезисы конференции по машинному переводу. М., 1958. С. 19.
6. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 143.
7. Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским. Л., 1939. С. 3.
8. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960. С. 105.
9. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960.
10. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965.
11. Водуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 60.
12. Новиков П. С. Элементы математической логики. М., 1959. С. 23.
13. Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971.
14. Ездошенко А. П. Стереометрическое моделирование и изоморфизм // Студий де лимба молдовеняскэ. Кишинев, 1963.
15. Ездошенко А. П. К обоснованию изоморфизма фонологии и морфологии // АЛ. 1968. Т. 18 (1—2).
16. Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
17. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1959.
18. Pike K. Grammatical theory // General linguistics. 1957. V. 11. № 2.
19. Иванов В. В., Топоров В. Н. Санскрит. М., 1960.
20. Ездошенко А. П. Проблема структуры языка. Кишинев, 1967.
21. Вондарко А. В. Теория морфологических категорий. М., 1976.
22. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959. С. 8.
23. Jakobson R. Shifters, verbal categories, and the Russian verb. Cambridge, 1957. P. 9.
24. Категории материалистической диалектики / Под ред. Розенталя М. М. и Штракса Г. М. М., 1957. С. 251—252.
25. Бенвенист Э. Классификация языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 58.
26. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
27. Современный русский язык. Ч. 2. М., 1981. С. 80.
28. Тронский И. М. Общеиндоевропейское языковое состояние. М., 1967.
29. Меновицков Г. А. К вопросу о проницаемости грамматического строя языка // ВЯ. 1964. № 5.
30. Розенцвейг В. Ю. Языковая практика и лингвистическая теория // ВЯ. 1966. № 2. С. 39.
31. Вахтин Н. Б. Некоторые особенности русско-алеутского двуязычия на Командорских островах // ВЯ. 1985. № 5.
32. Русская грамматика. Прага, 1979.
33. Севортян Э. В. К проблеме частей речи в тюркских языках // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 189.